Детектив под знаком Зодиака
Диана Кирсанова
Созвездие Девы, или Фортуна бьет наотмашь
Эксмо

Детектив под знаком Зодиака

Диана Кирсанова

Созвездие Девы, или Фортуна бьет наотмашь

«Эксмо»
2008

Кирсанова Д.

Созвездие Девы, или Фортуна бьет наотмашь / Д. Кирсанова — «Эксмо», 2008 — (Детектив под знаком Зодиака)

Вера – рационалистка и не верит ни в судьбу, ни в гороскопы. Поэтому зря ее подруга Люся, на паях с Верой открывшая брачное агентство «Нить Ариадны», пытается убедить Веру в необходимости нанять в качестве консультанта некую Аду, известную как Леди Зодиак. И уж тем более напрасно Ада предрекает Вере скорое наступление зловещих событий. Ерунда все это, решает Вера и… ошибается. Ее подруга Люся убита. А кроме нее, погибли еще несколько человек, причем при таких загадочных обстоятельствах, что тут не только в гороскопы – во вмешательство потусторонних сил можно поверить! Однако Вера родилась под знаком Девы, а значит, последовательна и целеустремленна. Она во что бы то ни стало разберется, кто так упорно и коварно подставляет ее, стараясь сделать главной обвиняемой в череде страшных преступлений…

© Кирсанова Д., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Легенда о Деве 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Диана Кирсанова
Созвездие Девы, или
Фортуна бьет наотмашь

…Я еще никогда не видела покойника, пьющего чай.

Он сидел в моей кухне, да, в моей кухне, в моем доме, который я покинула каких-нибудь пять часов назад, с комфортом расположившись в простенке между вечно урчащим холодильником и хромоногим столом, прислонившись к стене и положив ногу на ногу.

Одна его рука покоилась на столешнице рядом с еще горячей чашкой чая, вторая лежала на колене, и между пальцами мирно дымилась толстенная сигара. Коротко стриженным затылком этот человек упирался в стену, а безжизненный, отстраненный взгляд серых глаз был уставлен прямо на меня.

Я закричала.

Здесь надо заметить, что, имея немало недостатков – например полное отсутствие романтизма в характере, критический склад ума и нелюбовь к новым знакомствам, – я тем не менее обладаю крепкими нервами. И кому-то нужно было очень постараться, чтобы заставить меня вот так грохнуться на пол прямо посреди кухни, неловко подогнув колени, и заорать благим матом, вцепившись в волосы и глядя вытаращенными, вот именно – вытаращенными, глазами на человека, который еще вчера подшучивал надо мной, уговаривая бежать с ним в Латинскую Америку!

А сейчас он сидел на моей кухне и был мертвее мертвого, хотя рядом с ним и стояла чашка с чаем и вазочка с засахаренными конфетами-подушечками, которые я любила с детства и которые моя бабушка смешно называла «Дунькина радость»…

Он был мертв – одутловатое лицо с вывалившимся языком и сине-багровые пятна на шее не оставляли никакого сомнения в этом, – но сидел за моим столом в кухне в расслабленной позе званого гостя, попивающего чай с конфетами «Дунькина радость», и никто, ни один человек в мире не мог объяснить мне, как он сюда попал!

Мертвец был безукоризненно, даже щегольски одет – этот прекрасный кремовый костюм, такой же жилет, желтый шелковый галстук и светлые туфли были на нем вчера. Я еще тогда заметила, что он выглядит как жених, и подумала, что вовсе необязательно так хорошо одеваться, отправляясь на встречу с двумя немолодыми женщинами, которые всего-навсего мечтают выйти замуж на четвертом десятке лет.

Но сейчас, да, сейчас он был мертв, и его парадное одеяние казалось какой-то чудовищной насмешкой надо всем – и надо мной тоже.

* * *

Когда первый шок прошел, я на ватных ногах вышла в прихожую и далее из квартиры. Я шла, хватаясь руками за стены, не останавливаясь и не оглядываясь.

И в лифте я ехала с таким лицом, что соседка Алиса Сергеевна, которая за тридцать лет нашего проживания на одной лестничной площадке научилась разве что изредка кивать мне, неодобрительно поджимая губы, на это раз охнула и спросила с искренним сочувствием в голосе:

– Боже мой, что это с вами, Верунчик? Вам плохо, да?! Бледная вы какая… Как… как мертвец!

Выйдя из подъезда, я опустилась на залитую последним, ускользающим осенним солнцем лавку и, сжав голову ладонями, попыталась сосредоточиться.

Получалось плохо.

Вернее, совсем ничего не получалось – совсем не получалось понять, как этот человек, которые еще вчера вечером, смеясь, протягивал мне через стол руку, приглашая «на тур старинного венского вальса», – сегодня превратился в мертвеца, и этот мертвец сидит за моим кухонным столом.

В памяти, словно слайд-шоу на экране компьютера, мелькнули цветные картинки воспоминаний.

Пачка денег на столе конторы…

Странная женщина с сильно накрашенными губами, делающая нам неожиданное предложение…

«Наука соблазнения», которую приходилось постигать тут же, на лету, вместе с переодеванием и макияжем…

Поразительное, ничем не объяснимое исчезновение вот этого человека из запертой квартиры на шестом этаже элитного дома…

Труп.

* * *

Пожалуй, нужно все-таки начать с самого начала.

Идея открыть брачную контору принадлежала Люське.

Мы были знакомы с ней сто лет и когда-то даже дружили, хотя и являлись полными противоположностями во всем: я всегда была неповоротливым, лишенным даже в юном возрасте грации существом, у которого никогда не просили телефончик, не провожали до дому и не баловали подарками – разве что коллеги на Восьмое марта.

А Люська, напротив, со студенческой скамьи покоряла мужиков пышной копной легких и золотистых, как сноп спелой ржи, волос, нежным цветом лица, стройными ножками, белыми ручками, легкой походкой и умением смотреть на собеседника восхищенными, опушенными густой рамкой ресниц глазами сочно-шоколадного цвета.

Благодаря этому всему она выскочила замуж уже на втором курсе и сейчас имела великовозрастную дочь Валерию – флегматичное, некрасивое существо, ничем не напоминающее мать, студентку третьего курса МГУ, гуляку-мужа Борю, здорового мужчину с крепким торсом и руками, который несколько раз в год погружался в бурный водоворот очередного любовного приключения.

Я тоже побывала замужем, если так можно назвать мою недолговечную связь с коллегой по работе – вечно испуганным, рано лысеющим «маменькиным сынком», который даже носки себе боялся купить без того, чтобы мама предварительно не одобрила этой покупки. Мы прожили с Михаилом три мучительных года, и его мама последовательно не одобряла его носки, мои кастрюли, способ расстановки мебели в нашей квартире, методы воспитания нашей дочери Лики, родившейся на второй год этого, с позволения сказать, супружества, и многое другое.

В конце концов терпение мое лопнуло, и я выставила тряпку-мужа за дверь. Сделав это, я вздохнула с облегчением, услышав по ту сторону двери точно такой же вздох.

С тех пор я видела Михаила не более одного раза в месяц: алименты на Лику он приносил с календарной точностью.

Недавно дочери исполнилось восемнадцать, и она ознаменовала это событие тем, что ушла из дому «на вольные хлеба», сняв с подружкой хлипкую хрущевку в Теплом Стане и заявив мне, что теперь она будет сама строить свою жизнь.

Я не возражала – я понимала, что со своим замкнутым характером, маленькой зарплатой и старомодными взглядами не смогу дать единственной дочери ничего существенного.

Кроме любви – но эта любовь, кажется, была ей не особенно нужна.

– Ну зачем ты так часто звонишь, мам? – спрашивала она скучающим голосом в те редкие дни, когда мне удавалось поговорить с ней больше двух минут. – Ну у меня все хорошо, мам. Я уже взрослая, мам. Если мне что-то понадобится, я тебя сама наберу!

Я отключалась, чувствуя в сердце тягостную грусть.

Одиночество – не лучшее состояние для женщины тридцати восьми лет, даже если она с молодости не любила шумных компаний. Мне было плохо без Лики, скучно и грустно без ее задорного голоса и хорошенького, подвижного, всегда гримасничающего лица. Но девочке нужна свобода, и я решила не перечить дочери, потому что не желала ей повторения своей судьбы.

С девственностью Анжелика рассталась без сожаления во время шумной попойки в общежитии и с тех пор задалась целью детально и постранично пройти весь курс, предложенной автором Камасутры. От каждого нового опыта она приходила в совершенно щенячий восторг и охотно делилась ощущениями со всяким желающим, к моему великому смущению: я безуспешно пыталась намертво впаять в ее сознание старомодное представление о том, что невинность – главное приданое порядочной девушки.

Но боже упаси было объяснять вольное обращение Лики со своим телом природной распущенностью! Ей, девушке с ярким, совершенно не похожим на мой темпераментом, было просто все на свете интересно. Дочка умирала от любопытства и жажды новых, еще не изведанных ощущений, и даже такая несовременная замшелая тетка, как я, это понимала.

* * *

Совсем другое дело Люська: клубы, презентации, посиделки, танцы до утра и новые знакомства – это была ее стихия. Даже сейчас, когда нам обеим было под сорок, подруга продолжала оставаться такой же легкой на подъем светской девицей, как и в молодости. Несколько лет они с мужем-банкиром прожили за границей, вернувшись лишь недавно. И сразу после возвращения Люська стала вести еще более светскую жизнь, чем прежде. Ни одна премьера в Москве не обходилась без того, чтобы Люська не побежала туда демонстрировать свои наряды.

Да, если уж у нас с Люськой и было что-нибудь общее, то только образование: мы закончили один институт, где и подружились.

Правда, Люська закинула свой диплом ботаника на шкаф на второй же день после его вручения (у нее было оправдание: в то время она как раз ждала рождения Леры), а я пятнадцать честных лет оттрубила экскурсоводом в Ботаническом саду. Но ботаники – не самая востребованная нынче профессия, и, после того как в Ботаничке прошло сокращение штатов, биржа труда могла мне предложить разве что место продавца в цветочном киоске. Место это мне никак не подходило («С твоими мозгами!» – воскликнула Люська, и в глубине души я была с ней согласна). Но, просидев целый месяц без работы и проев свои, мягко говоря, невеликие сбережения, я уже готова была примириться с неизбежностью.

Здесь надо добавить, что к этому времени мы с Люськой уже давно потеряли друг друга из виду, и мне даже в голову не могло прийти, что наша скороспелая студенческая дружба, захиревшая еще до окончания института, когда-нибудь возродится. Короткое «Привет-привет!» при редких случайных встречах, еще более редкие телефонные звонки и открытки к празднику – вот и все, что осталось через двадцать лет от былого товарищества.

И вдруг однажды под вечер студенческая подруга ворвалась ко мне и прямо с порога вывалила две «сногсшибательные», по ее словам, новости: первая заключалась в том, что она разводится: дольше терпеть мужнины похождения «по девочкам» уже нет никакого терпения, а вторая…

– Я решила стать бизнес-леди! Чтобы обрести наконец финансовую свободу и больше не зависеть ни от одного козла!

Люська знала, о чем говорила: ее муж был довольно состоятельным мужчиной, и по этой причине, искренне считала она, предъявлял к ней непомерные требования.

– Феодализм какой-то! В наш век атома и нейлона запрещать женщине жить полноценной жизнью!

Она загибала пальчики, перечисляя все, что только вытерпела за эти годы:

– Деньги на расходы строго в установленной сумме, дочь воспитывать только по его системе, из дома без разрешения не выходить даже с подругой, тряпки покупать в строго определенных магазинах!!! Я больше так не хочу! И не буду. Вот разведусь, отсужу свою долю, а тогда…

– А что тогда?

– И тогда открою свой бизнес. Да!!! И утру ему нос, вообще всем утру нос!! Как в следующий раз увижу этого козла, так прямо сразу и заявлю: «Ну что, козел, утерла я тебе нос?!»

Она плюхнулась в кресло, довольно потирая руки, словно поверженный во прах «козел» уже валялся у нее в ногах и рвал на себе волосы от сознания того, какое сокровище он потерял.

– Люська, да ты же не имеешь никаких специальных навыков! И после института ни одного дня не работала. Ну какой из тебя бизнесмен?

– Из меня – никакого, – неожиданно легко согласилась она. – Я буду только вдохновляющей и организующей силой. Ну и вообще… готова быть у тебя на посылках. При особенно сложных случаях.

– У меня? А я-то здесь при чем?

И тут Люська удивленно распахнула свои коричневые, блестящие юношеском блеском глаза, как делала всегда, когда хотела от вас чего-нибудь добиться, не требуя этого «чего-нибудь» напрямую:

– То есть как это при чем здесь ты? Ты будешь мозговым центром нашего общего дела, разумеется. С твоими-то мозгами!!!

* * *

Самое смешное, что поначалу у Люськи даже примерно не было представления о том, каким именно бизнесом она намерена заниматься под моим «руководством». Для нее просто магически звучало само это слово – «бизнес». Она хотела во что бы то ни стало иметь возможность причислить себя к вожделенной категории деловых женщин, и для достижения этой цели решила не останавливаться ни перед чем.

– Может быть, мне открыть шикарный автомобильный салон? – задумчиво говорила она, прищуриваясь на свое отражение в зеркале. – Представляешь: огромное сверкающее помещение из стекла и бетона, в центре – какой-нибудь «Бентли» на крутящейся подставке, а на капоте – девочки в купальниках… Модельной внешности. Из студенток театрального института наберем. Да у нас все мужики Москвы будут околачиваться. Мой бывший первый прибежит, голову на отсечение дам! Каз-зе-ел…

Она внезапно разозлилась, представив, как «бывший» приходит в салон и стоит у вертящейся подставки с девочками, пуская слюни.

– Фиг тебе! – сказала подруга кому-то, кого увидела позади своего отражения. И сразу же перекинулась на другой проект: – А если не автосалон, а парикмахерскую? Такой, знаешь, дамский суперэлитный салон красоты, чтобы там делали не только стрижки с перманентом, а был полный набор: маникюр, педикюр, массаж, тренажерный зал, солярий… Таких девочек будем делать – тц-тц-тц! Да все богатые женихи Москвы у нас их будут забирать, пока тепленькие! Прямо толпиться будут у входа, плечами толкаться! Мой-то бывший, конечно, всех в одну минуту растолкает. Каз-зел…

Люська опять погрустнела и, тряхнув головой, показала зеркалу не совсем приличный жест.

– Не дождешься, понял?! Чтобы я для тебя своими руками очередную бабу готовила?! – И зеркало чуть было не треснуло и не раскололось, с такой злостью Люська его отодвинула.

В третий раз она, похоже, призадумалась всерьез. Подперла голову рукой, уставилась на стену напротив, пару раз шмыгнула носом. И вдруг встрепенулась, хлопнула в ладоши:

– Эврика! Верка, эврика! Я открою знаешь что? Брачную контору!!! Самое настоящее агентство, где мы будем сватать, сводить, женить и выдавать замуж! И тогда, Верка, все будет в наших руках. Ни один холостяк мимо нас не проскочит! Верка!!! Да мы же с тобой просто… мы будем восстанавливать мировую справедливость!

Она вскочила с места и, прижав руки к груди, уставилась на меня враз загоревшимися глазами.

– Да-да, именно мировую справедливость! Сколько по миру ходит таких несчастных, как я или ты, – это же страшно подумать! Одни – умные, милые, добрые и при всем этом – не замужем! Вроде тебя! А другие – вроде меня, тоже ничего себе такие, и даже вроде бы мужчинам нравятся, но черт его знает, почему им не везет! Сперва им кажется, что они выходят замуж за принца, что жизнь будет как в сказке из «Тысячи и одной ночи», с морем, пальмами, сокровищами, кораблями, верблюдами… А проходит год, много два – и ты вдруг понимаешь, что все это был обман, мираж! Пальмы, сокровища и корабли как-то незаметно исчезли, и ты осталась на пустом берегу… с одним верблюдом.

Она всхлипнула и сердито смахнула что-то с ресниц. Может быть, соринку.

– А потом нас бросают, и мы переходим в разряд «брошенных» жен, а наши мужья становятся «интересными свободными мужчинами». И тогда ты решаешь снова пускаться на поиски счастья, а когда подходишь к зеркалу, чтобы навести красоту, посмотреть на себя и понять, в конце концов, что же еще им, козлам, нужно – то вдруг замечаешь, что сама ты уже не та девочка, какой была еще совсем недавно, что у тебя морщинки, огрубевшие руки и даже несколько седых волос. А твой «бывший», напротив, еще очень ничего, и даже не «еще», а именно что стал «очень ничего», потому что все эти годы ты заботилась о нем, холила-лелеяла, готовила ему вкусную и здоровую пищу, покупала модные костюмы, наглаживала рубашки, вывозила по выходным за город, на прогулку, дышать свежим воздухом… Он расцвел на твоих заботах, как оранжерейная магнолия, заблагоухал, покрылся ленивым жирком и залоснился, а ты… ты вдруг стала для него просто стара!

– Люська, да ты что? – спросила я тихо и обняла ее, прижала к себе. – Он, Борька твой… Он к другой, что ли, ушел? Да? А ты говорила – сама его бросила…

Она завсхлипывала у меня в объятиях и вдруг зарыдала, по-детски обхватив меня за шею:

– Ушел, он ушел! К Катьке-студентке из пятого подъезда. Вещи свои забрал, все упаковал в три чемодана, тщательно так, неторопливо, даже телефонную книжку со столика не забыл взять… и тапочки… Меня, Верка, эти тапочки особенно подкосили… И еще он нам с Леркой денег оставил. И знаешь, так трусливо – за две недели до того, как уйти, открыл на мое имя счет. Мне по почте извещение пришло. Все продумал…

– Ну так это же хорошо, что денег дал, – сказала я осторожно и совсем не то, что думала. – Теперь ты тоже можешь считаться совсем не «брошенной», а еще молодой, богатой и независимой… Ты еще такого принца встретишь – да тебе та же Катька-студентка из пятого подъезда знаешь как завидовать будет! И потом, может, Борька еще вернется…

– Черта с два! – Она оттолкнула меня и теперь сердито вытирала слезы. – Пусть только попробует, каз-зел! Да я об его голову… не знаю что, холодильник разобью! И принц мне тоже не нужен, тем более что принцы последнее время уже лет сто как не рождаются. Выродились, наверное. И вообще! Я сказала, что буду восстанавливать мировую справедливость! Открою брачную контору – ты ведь мне поможешь? С твоими-то мозгами! – и начну сватать и женить

между собою тех, кто действительно этого заслуживает. У меня хорошая женщина в потные руки мерзавца ни за что не попадет! Я ее, голубку, только в проверенные руки… только в такие, которые не оттолкнут, не отбросят! Через двадцать лет…

– Так ты это серьезно? Насчет брачной конторы?

– Да!!!

* * *

За дело она действительно взялась очень серьезно.

Неделю или даже больше Люська изучала, как она это называла, «историю вопроса». Каждый день она прибегала ко мне с горящими глазами и щеками, пылающими от возбуждения.

– Генри Робинсон! – выпаливала она с порога. – Вот как его звали! И он был англичанин!

– Кто? – бормотала я.

– Человек, который придумал брачные конторы! Он жил в семнадцатом веке, представляешь?

– Так давно? – удивлялась я.

– Да, и я даже знаю точную дату – 29 сентября 1650 года! В этот день в Лондоне он и открыл первую в мире брачную контору. И назвал ее – умереть можно! – «Бюро встреч и адресов». В ней всем желающим за определенную плату предоставлялись сведения о вакантных женихах и невестах, нраве и характере интересующей особы, родственных связях и даже, представь, размере ее приданого!

– Ну, это не для нас. Где мы будем брать такие сведения?

– Это нам пригодится в виде исторической справки! Будем рассказывать клиентам, и те сразу поймут, какой у нас древний и серьезный бизнес!

В другой раз она, чтобы подбодрить меня, да и себя тоже, принималась расписывать будущие картины нашего процветания:

– Верка, мы разбогатеем! Этот бизнес перспективен, ведь он будет действовать до тех пор, пока будут существовать люди! Я подсчитала – в день через наше агентство будет проходить до ста человек. И не меньше!

– Мне кажется, наши женщины в брачные конторы не очень-то верят, – здраво возражала я. – Или уж, в крайнем случае, одинокая женщина сама подаст объявление о знакомстве, что называется, «без посредников». Знаешь, сколько газет сейчас такие объявления публикуют?

– И будет дура! – отрезала Люська, вскидывая голову. – Потому что… потому что… это все равно что лечиться самостоятельно, без консультации с врачом! Во-первых, возрастает риск нарваться на неблагонадежного типа. Ведь мы же будем осуществлять полный отбор кандидатов! Во-вторых, она может наскочить на типа, допустим, благонадежного, но совершенно не отвечающего ее требованиям. А мы будем подбирать женихов, максимально соответствующих ожиданиям клиенток! В-третьих, нужно уметь себя подать, а что она может написать в газетном объявлении, чтобы на нее «клюнули»? «Не уродина, с в/о, без ж/п». А мы с тобой будем составлять такие объявления, что у всякого нормального мужика сразу во всех местах заиграет! Например: «Она уже не легкомысленная молодая девочка, но и не солидная пожилая дама. Проблем с детьми нет. Свободна, не глупа, привлекательна, романтична, сексуальна. Страстная любительница кошек и рыбалки. Если вы ей понравитесь, будете самым счастливым мужчиной (от 40 до 45 лет) на свете». Это будет… Ого-го! Никто не устоит. И потом, есть у меня еще одна фишка! Мы будем подбирать партнеров с полным их соответствием по знакам Зодиака. Это сейчас модно. Специалиста наймем. У меня как раз на примете такая дамочка есть – закачаешься! Запиши телефон.

В конце концов, обегав пол-Москвы, она сняла офис в самом центре – в Столешниковом переулке, сделала там шикарный ремонт, закупила столы, телефоны, компьютеры. Дольше всего ломала голову над названием.

– Нам надо называться как-то по-особенному, чтобы сразу было понятно: мы не только знакомим, но и спасаем! И в то же время это должно быть нечто такое, жутко романтичное – ведь что за невесты без романтики! Что-нибудь из древней истории… так сказать, овеянное ароматом легенд…

Она задумалась.

– Может быть, «Узы Гименея»? – предложила я.

– Верка, банально! И пошло!

– Почему? Гименей – бог брака, сын Аполлона…

– Вот именно это и отвратительно! Мы не будем служить сыновьям Аполлонов. Как представлю: голый, красивый, сам собой любуется… Сильно жирно для них будет! Давай вспоминай еще. Но только такое, чтобы женщина оказалась на первом месте, а мужики – на втором.

– Ну тогда, может быть, «Ариадна»… Подойдет?

– А кто это?

Я с упреком посмотрела на Люську – ну как же, миф об этой женщине известен, по-моему, даже первоклассникам!

– Ариадна – дочь критского царя Миноса, которая помогла афинскому герою Тесею выбраться из лабиринта, – сказала я назидательным тоном, из-за чего Люська сразу же сморщилась. – Ариадна дала ему клубок с нитками. Кончик нити Тесей закрепил у самого входа в лабиринт, а дальше разматывал по ходу передвижения. И поэтому вылезти из Лабиринта обратно для него было делом техники. Вот и получается: какой бы ни был этот Тесей герой, а без женщины, то есть Ариадны, все равно сгинул бы.

– Красиво, – согласилась Люська. – Давай будем «Нитью Ариадны». Я всегда говорила – с твоими-то мозгами! Хорошее название для конторы! Кто захочет – намек поймет. А кто не захочет, тот попросту дурак, а дураки нам не нужны!

И она заказала для нашего агентства роскошную вывеску, украшенную огнями и купидонами. «Нить Ариадны» стала видна со всех концов Столешникова переулка и по Люськиному замыслу должна была стать для одиноких женщин своеобразным маяком в море мужских ловушек.

Затем Люська окончательно разорила свой банковский счет, закупив множество лицензий и устроив нашему агентству грандиозную рекламу в прессе и на телевидении. Я высказывала опасение, что, начиная дело с таким шиком при полном отсутствии опыта, мы тем самым замахиваемся на невозможное. Но Люська отметала все возражения, с жаром доказывая, что невозможное для нас просто не может существовать.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского! – парировала она фразой, заезженной до такой степени, что мне становилось неловко.

Месяц тому назад мы открылись, отметив начало новой жизни торжественным распитием пресловутой бутылки шампанского, и сели ждать первых клиенток. Прошел час, другой, третий.

Колокольчик, прикрепленный к входной двери с нашей стороны, так ни разу и не звякнул.

Прошел день.

Люськино лицо вытянулось. Она несколько раз затравленно оглянулась, как бы подозревая, что за ее спиной прячется какой-то таинственный недоброжелатель, и неуверенно встала.

– Ну… Они о нас просто еще ничего не знают. Ладно. Пойдем домой. Но зато завтра… Завтра они толпами побегут, вот увидишь!

Но не побежали они и завтра.

Не пришел никто и на третий день.

Следующие две недели Люська еще продолжала хорохориться, хотя с каждым днем в ее глазах появлялось все больше растерянности. А потом ее оживление спало окончательно. Люська часами сидела на своем директорском месте, смотрела в стену напротив и изо всех сил старалась не разреветься.

И вот, когда уже иссякла последняя надежда и мы просто досиживали в нашем роскошном офисе, дожидаясь конца месяца и готовясь честно признаться самим себе, что мы все-таки проиграли, – раздался мелодичный звон колокольчика.

И вошла наша первая клиентка.

* * *

Признаться, разглядывая посетительницу, я с первой же минуты сильно усомнилась в том, что этой во всех отношениях самоуверенной особе нужна помощь профессиональной свахи. Ее дрябловатый, но очень решительный подбородок был высоко поднят, и смотрела она на нас сверху вниз. Я почувствовала себя маленькой девочкой, пойманной за каким-то шкодливым занятием.

Чуть оттопырив нижнюю губу, посетительница оглядела нас и наш офис и, кажется, осталась не слишком довольна. Мы молча ждали. Глубоко и тяжело вздохнув, она уселась в кресло для посетителей, поставив на колени довольно объемистую сумку, и спросила, не здороваясь и не давая себе труда потратиться на улыбку:

– Так, значит, вы можете «разрешить неразрешимое» и помочь в сложных любовных ситуациях?

«Ну вот, началось», – подумала я и покосилась на Люську. Подругу, казалось, ничего не смутило. Она сказала: «Да», спросила: «А какая у вас проблема?» – и в ожидании ответа принялась рассматривать клиентку так, словно, решала про себя, стоит ли нам принимать ее всерьез.

Хотя не было никаких оснований думать, что перед нами сидит просто любопытствующая особа. Напудренное лицо женщины хранило крайне озабоченное выражение. На вид ей было около пятидесяти лет, причем возраст свой она не особенно пыталась скрыть, а это говорило в пользу того, что женщина считает свою жизнь, в общем-то, удавшейся.

От нее исходил еле уловимый запах дорогого парфюма, тщательно уложенные волосы наводили на мысль о том, что посетительница только что вышла из парикмахерской. И одета она была дорого, даже с подчеркнутым изяществом: переливчатый жакет бордового цвета, темная юбка в тон, на груди – розовый шифоновый шарфик, скрепленный у ворота дорогой брошкой. Не менее ценные ювелирные изделия украшали ее уши и пальцы.

Женщина выдерживала паузу. Мы тоже молчали. Наконец она вздохнула и разжала губы:

– У меня не так много времени на то, чтобы вступать с вами в длинные объяснения. Скажу коротко: есть проблема, и ее нужно решить. Если вы возьметесь разрешить ее, то получите хорошее вознаграждение. Если нет – я немедленно встаю с места и ухожу.

– А какая проблема? – шелковым голосом спросила Люська.

Клиентка сдвинула на нос очки и окинула нас взглядом, которым обычно смотрят на учеников школьные учительницы накануне контрольной работы.

– Проблема состоит в том, чтобы отвадить от моей дочери поклонника, который нигде не работает, не имеет никаких перспектив, не обладает связями и вообще является охотником за приданым. Такой жених нам не нужен. Моя Ирочка должны выйти замуж совсем за другого человека – того, кто ее на самом деле достоин, а не за… этого фигляра! Который к тому же на пять лет ее моложе! К сожалению, Ирочка влюблена. В этом вся сложность. Она и слышать не хочет о том, чтобы расстаться с этим типом. Так что имейте в виду: он должен быть как минимум хорошо скомпрометирован в ее глазах!

– Но…

Я хотела сказать, что целью нашей конторы является создание новых браков, а не разрушение чьей-то любви, но Люська сделал мне страшные глаза, и я сочла за лучшее промолчать.

– А как максимум? – робко пискнула Люська.

– А как максимум – должна состояться свадьба. Но не моей дочери с альфонсом, а этого альфонса – с кем-нибудь другим. Само собой, если вы еще и это устроите, то плата за услуги существенно возрастет. Пока же – вот. – И она положила на стол пачку денег.

Пачка была меньшего объема, чем показывают в гангстерских и приключенческих фильмах, но все же достаточно внушительной для того, чтобы невольно притягивать к себе взгляд.

И конечно, мы с Люськой невольно посмотрели на деньги. К радостному сознанию того, что нам предлагают столь солидный гонорар, примешивалось еще и возбуждение от удачи. Тетка, так легко и непринужденно доставшая из сумки целое состояние, как-никак, была нашей первой клиенткой! И поэтому палец с загнутым багровым маникюром, которым она постучала по денежной пачке, казался нам сейчас истинным перстом судьбы.

– Только попрошу учесть, милые барышни, что провалов в работе я не допускаю. Если вы беретесь за это дело, то слова «извините, не получилось» в моем присутствии потом не произносить! Хоть землю ройте, хоть души дьяволу прозакладывайте, но по окончании… ваших мероприятий моя дочь Ирина должна оказаться полностью излеченной от этого безумия!

Мы синхронно кивнули и столь же одновременно пнули друг друга под столом – я для того, чтобы Люська одумалась, а Люська для того, чтобы я не вздумала возражать.

Изложив суть дела, клиентка еще раз строго глянула на нас поверх очков, затем встала, поправила прическу, забросила на плечо довольно массивную сумку и удалилась, не прощаясь и не оглядываясь. Как только дверь за ней закрылась, мы с подругой, с трудом оторвав взгляд от сложенных в стопку купюр, уставились друг на друга.

– Ну что?

– А что?

– Что делать-то будем?

– Ни фига себе… А я думала – ты знаешь!

– Я?!

Вот так всегда! Люська снова перекладывала весь груз ответственности на мои плечи. Хорошенькое дело – сперва не дать мне отказаться от выполнения странных обязательств, а потом, округлив свои знаменитые глаза, протянуть вот с этим выражением детской наивности: «А я думала, ты знаешь!»

– Ничего я не знаю! И даже примерно не представляю, как за это взяться. Знаешь, что? Надо догнать эту женщину, извиниться и сказать, что мы не сможем…

– Ага, и вернуть деньги?

– Ну разумеется.

– Верка, не надо! Во-первых, ты ее уже не догонишь. Во-вторых, если ты вернешь деньги, нам завтра нечем будет заплатить за аренду помещения, и все полетит в тартарары – ты только подумай, столько трудов псу под хвост!

– Ну а в-третьих?

– Ну а в-третьих, она – наша первая клиентка. Считай, что пробный шар и эта, как ее… проверка на вшивость.

Последние слова она проговорила с прочувствованной убедительностью. А потом добавила, умильно сложив на груди узкие ладошки:

– А в-четвертых, Верка, я вот просто не верю, что ты была не в силах ничего придумать. С твоей-то головой и твоими-то мозгами… Да просто удивительно, как мы до сих пор еще не миллионерши!

Она еще шире распахнула глаза, вплеснула руками и откинулась на стуле, как бы в немом удивлении от того, что мы действительно еще не миллионерши.

Комплимент был грубый, но Люська знала мои слабые стороны: когда у тебя нет мужа, друзей и даже карьеры, а есть только тридцать восемь бестолково прожитых лет, близорукость и двадцать кило лишнего весу – то вера близких хотя бы в твои мозги служит хоть и паршивеньким, но все же утешением.

Как говорится – ну и ладно, что вышла в тираж, зато независимая и не дура.

* * *

Суть дела, заказанного нам клиенткой, можно изложить в нескольких абзацах.

Ее дочь, тщательно взлелеенная в оранжерейных условиях, которые так легко создать, когда папа – банкир, а мама – домашняя хозяйка, сумела дожить до двадцати пяти лет с сердцем, ни разу не тронутым любовью. Все претенденты на ее руку казались родителям либо недостаточно богатыми, либо слишком непредставительными, а сама Ирочка – молчаливое создание в дорогих супермодных одеяниях, которые так не шли к ее простому русскому лицу, овечьим глазам навыкате и полноватой фигуре, – казалось, вообще не дарила кого бы то ни было особой благосклонностью.

Она была спокойна и даже как-то ленива в своем благополучии, чему способствовала и природная недалекость. А выражаясь более четко – девушка была откровенно глупа. К великой досаде матери и тихой радости отца-банкира, несколько подуставшего от чрезмерной активности жены, которая всегда гордилась своим аналитическим складом ума.

– Ирочка, что ты все дома сидишь? Пошла бы погулять. Скажи папе, пусть даст тебе машину, поезди по магазинам, порадуй себя обновками.

– Да не хочется, мама.

– Хочешь, билет возьму на какую-нибудь премьеру в Доме кино? Вместе сходим.

– Да нет, спасибо. Я лучше «Дом-2» посмотрю.

– Мам, оставь ты ее. Это же теха-матеха! Так и сгниет между своих подушек, несчастная, – говорил Марии Антоновне сын Юрий.

Он был всего на три года младше сестры, но смотрел на нее со снисходительностью хорошо познавшего жизнь юноши. Друзьям, компаниям и девушкам Юры не было счета – этот молодой человек умел прожигать жизнь.

Даже шторы в их доме поднимались редко – Ирочка не любила солнечного света. Тишину большой квартиры нарушало только мерное бормотание телевизора и ленивое позевывание самой Ирочки, которая часами слонялась из комнаты в комнату, не сняв даже пижамы.

Но эта вялая жизнь в богатом доме длилась лишь до поры до времени – пока пару месяцев назад на Ирочкином горизонте не появился этот Владик. Импозантный, молодой, безумно красивый и так же безумно расточительный на все – на визиты, на подарки, на улыбки, комплименты, стихи и даже серенады, которые он пел на потеху всему двору, забравшись в ремонтную люльку, подвешенную к фасаду дома.

И очень, очень молодой – ему было всего двадцать. Но как уверенно он держался!

– Ирина! Ты свет очей моих, бриллиант моего сердца, дыхание моей души! – с чувством кричал он, с трудом удерживая равновесие в качающейся люльке. – Я готов доставать для тебя по одной звезде с неба каждый день! Да что там – я готов таскать их ведрами с самого небосклона и осыпать тебя золотым дождем… Я не могу без тебя жить! Мне нечем без тебя дышать! Я пьян тобою, как поэт бывает пьян от своих же собственных стихов!

И в раскрытое по летнему случаю Ирино окно летели охапки сирени, уворованной Владиком в ближайшем парке культуры и отдыха. Ветки до окна не долетали, шлепались на асфальт,

вызывая шумное недовольство дворничихи тети Глаши, которой было в высшей степени наплевать на то, что она подметает во дворе «элитного» дома.

– Да что ж это за свиньи такие! Ни стыда ни совести! Да уйду я отсюда, убирайте сами за такую зарплату, ведь за два дня грязью зарастете по самые уши, ироды! – вопила она на весь микрорайон, остервенело засовывая сирень в черный пластиковый мешок. – Кавалер! На лесоповал надо посылать таких кавалеров!

Впрочем, ее никто не слушал. Сирень летела, дорничиха ругалась, а жильцы дома, получавшие несомненное удовольствие от разворачивающегося на их глазах романа, день и ночь обсуждали друг с другом, как этот неизвестно откуда взявшийся хлыщ охмуряет толстую Ирку из второго подъезда.

А Ира поддалась охмурежу так охотно, что порой становилось просто неудобно – ни дать ни взять телочка, сама идущая на заклание. От ее пресловутой вялости и сонливости не осталось и следа.

– Владик! – кричала она в телефон, в возбуждении перебирая по паркету босыми ногами. – Ты где, Владик?! Я сейчас! Я еду!!!

Из бездонных шкафов богатой невесты в мгновение ока были извлечены короткие юбочки и декольтированные платьица, которые, будучи натянутыми на полную попку так, что грозили вот-вот с треском лопнуть на ней, и увешанными спереди ужасающе безвкусной бижутерией, уродовали Ирину как могли.

Но счастливая девушка, до двадцати пяти лет делившая постель разве что с любовными романами в глянцевых обложках, своего смешного положения не замечала. Как не замечала она и того, что всюду, где только она бывала со своим кавалером, платить за все приходится именно ей. Сам Владик или именно в этот момент «случайно» оказывался не при деньгах, или вдохновенно сочинял какую-нибудь слезливую историю о том, как он вынужден был спасать друга из крайне неприятной ситуации, для чего пожертвовал сразу всей наличностью.

– Боже, какая ерунда! – отмахивалась Ирина и, вынимая из сумочки пластиковую карточку, снимала в первом же попавшемся на пути банкомате сумму, достаточную для пошива целого приданого для девушки из среднестатистической российской семьи.

Подумаешь, большое дело – деньги. На деньги ей было наплевать! К Ирине пришла Любовь – и все остальное перестало ее волновать абсолютно, абсолютно!

В конце концов Марию Антоновну, а именно так звали нашу клиентку, всерьез обеспокоило увлечение дочери. Молодой человек без определенных занятий казался слишком подозрительным. А его бурные ухаживания – слишком неотступными и быстрыми, как натиск чапаевской кавалерии.

Не поленившись нанять частного детектива, бдительная мать решила навести справки и…

То, что она узнала, повергло Марию Антоновну в шок и заставило всю ночь пить лавровишневые капли пополам с валокордином.

Оказывается, в определенных кругах – в кругах донжуанистых альфонсов, увивающихся за богатыми и одинокими женщинами, – Владик Липатов был очень хорошо известен.

И даже среди этих людей, в силу рода своих занятий далеких от таких понятий, как честность и порядочность, Владик считался отпетым подлецом.

Он размещал свои фото на всех известных интеренет-сайтах знакомств, но откликался и заводил романы только со зрелыми и состоятельными женщинами, которых затем беззастенчиво обирал.

Более того, он заводил романы везде, где только можно, не дрогнув ни единым мускулом, отбивал дам у своих «коллег по цеху», он залезал в огромные долги и месяцами прятался от кредиторов, он выкачивал из женщин деньги со скоростью дояра-рекордсмена, а когда роман

подходил к концу, не брезговал даже шантажом, угрожая рассказать «о наших отношениях» мужу, шефу, детям, любовникам…

Во всем этом пройдоха Владик сильно поднаторел, имея всего-навсего двадцать лет от роду!

И он даже шел еще дальше, открыто предлагая «секс-услуги и экскорт одиноким и щедрым дамам» через Интернет и газеты частных объявлений (в доказательство перед нами была выложена на стол целая стопка таких объявлений). Истосковавшееся по мужской ласке женское сердце попадалось на удочку этого объявления – и неизбежно было разбито, когда через несколько недель безупречного рыцарского поведения Владик превращался в жестокого и расчетливого типа, который начинал вести себя, как дорогая проститутка.

Коротко говоря – Владик был типичной сволочью.

* * *

Оправившись от шока, Мария Антоновна задумалась, как быть дальше.

– Конечно, я попробовала переговорить с Ирочкой, но она не захотела меня слушать, ударилась в слезы и истерику. Господи, таких вещей мне наговорила – и что это не «он», а какой-то его тезка и однофамилец, и что я «его» совсем не знаю и что завидую ее счастью, не желаю отпускать от себя, чтобы не остаться на старости лет одной… Самое неприятное, что и муж тоже отказался меня поддержать. Когда я пришла к нему поговорить об этом прохвосте и об Ирочке, Матвей только отмахнулся от меня! «Ну, милая моя, это все ваши, бабские дела, а у меня своих проблем по горло» – это все, что я услышала от мужа. Поэтому мне приходится действовать в одиночку. Ведь понятно же, что моя дочь этому Владику не нужна – ему нужны ее деньги!

– И? – осторожно спросила я.

– И вы должны сделать так, чтобы Ирочка его прогнала. Сама! Как вы это сделаете – не моя забота. За это я плачу вам деньги.

И вот теперь, когда клиентка ушла, мы с Люськой сидели друг напротив друга и с напряжением соображали, что же нам делать.

Но, в общем, выбор нам был предоставлен не очень большой, и в конце дня план был разработан. Он не блистал ни остроумием, ни оригинальностью, был старым как мир, зато обещал принести почти немедленный результат.

Нам, загримированным под богатых и одиноких, как выразилась Люська, дамочек, нужно было познакомиться с этим Владиком и закрутить с ним хотя бы какое-то подобие романа. Понятно, что не обеим сразу, хотя этот прожженный жиголо наверняка не отказался бы «обслужить» и двоих дамочек одновременно.

Люська предложила такую диспозицию: она знакомится и флиртует, а я собираю на парочку убийственный компромат.

– Фотоаппарат у меня есть, хорошая машинка, с длиннофокусным объективом! – возбужденно махала она руками, пританцовывая возле моего стола. – Несколько «вкусных» фотографий плюс твое свидетельство – и наша Ирочка понимает, как она жестоко обманута, бросается на кровать и тоненько плачет в подушку, мы берем деньги и празднуем успешное завершение нашего первого дела!

– Как-то… жестоко это очень, – заметила я.

– Ничего, парочка жизненных разочарований в ее возрасте даже полезна! Закаляют!

К стыду своему, в глубине души я была согласна с подругой. Образ рыдающей Ирочки, прижимающей стиснутые руки к сотрясающейся от плача полной груди, почему-то не вызвал у меня большого сочувствия.

– Ну хорошо, а детали?

– Хм, детали… С деталями все просто: мы звоним по объявлению, в котором этот тип предлагает свою скорую сексуальную помощь, назначаем свидание, знакомимся, а познакомившись – зовем его к тебе домой!

– Ко мне?!

– У меня же дочь дома, Верка, – с упреком взглянула на меня подруга. – Сама подумай – могу я при ребенке привести домой любовника? Материнский авторитет – сама знаешь, какая важная штука, у тебя же у самой дочь!

– Но почему все-таки ко мне?

Легко понять, что мне вовсе не улыбалась перспектива превращать мою квартиру в… черт знает что! В какой-то пошлый дом свиданий! Пусть даже на одну только ночь.

И дело было вовсе даже не в пуританском воспитании… а впрочем, черт его знает, может быть, именно в воспитании, но это было ровным счетом неважно – мой дом есть мой дом! Моя крепость! А не декорация для…

Но Люська уже складывала свои руки в полушутливой мольбе и делала вид, что вот-вот бросится передо мной на колени.

– Потому что ты живешь одна! Лика же, ты сказала, от тебя съехала? Верка, – Люська тронула мою руку прохладной и узкой, как у девочки, ладонью. – Я понимаю, тебе все это неприятно, Вер… Но ведь это так нужно для дела!

Ее шоколадные глазки с мерцавшей на дне искоркой азарта и ожидания большого приключения могли подкупить даже меня…

– Ну хорошо. Один только раз – и то потому, что так нужно для дела. Звони этому Владику!

Взвизгнув от радости, Люська кинулась к телефону.

– Сейчас мы этого орла заманим в силок – мало не покажется! – пробормотала она, разглаживая свободной рукой разложенное на своем столе объявление, гласившее: «Молодой, интеллигентный, порядочный человек с привлекательной внешностью, безгранично сексуален, обладающий редкими фантастическими способностями, предлагает интим-услуги для состоятельных дам и леди». – Алеу… Да! Добрый день, я звоню по объявлению…

* * *

…Проведя переговоры с нашей будущей жертвой (в подробности этих переговоров я старалась не вслушиваться), Люська сообщила мне, задумчиво нахмурив гладкие бровки:

– Этот тип назначил мне встречу в баре «Наживка». Очень символическое название! Что ни говори, но это нас шанс. Была бы я верующей – сказала бы, что его дает нам в руки само Провидение. Верка, на сегодня наша контора закрывается! Мы идем домой краситься и переодеваться, а затем отправляемся в «Наживку»… Идем в «Наживку» на рыбалку! – засмеялась она, очень довольная собственным остроумием, и засуетилась, выключая компьютер и натягивая на себя хорошенький плащик.

Погрузившись в ее «Вольво», мы взяли курс на Митино – там с недавнего времени жила Люська. Раньше их семья проживала в центре Москвы, на Люсиновской улице, но два года назад, сразу по возвращении из-за границы, было принято решение обменять старую квартиру на более просторную, в зеленом районе.

Все время, пока мы ехали, она щебетала, как девочка, только что познавшая чувство первой влюбленности.

– Это будет так здорово! Наше первое задание! Я прямо в азарте! Эх, да-авненько я не охотилась на мужиков! А ты?

Я покраснела – хорошо, что в глубине салона это было не заметно, да и Люська смотрела не на меня, а на дорогу.

Понятие «охота на мужиков» в применении ко мне звучало просто смешно. И обидно – потому что, будь я даже не самой собой, а стройной длинноногой блондинкой роковой внешности, и то никогда не стала бы гоняться за мужчинами. Это унизительно и… оскорбительно. И мне было совсем непонятно, почему Люська так радуется предстоящей операции – ведь, в конце концов, мы решаемся с нею на не очень чистое дело!

Я промолчала только потому, что Люська не давала мне вставить даже слово – возможно, специально, потому что готовность выступить с резкой отповедью была, наверное, написана на моем лице.

Всю дорогу подруга смеялась и трещала, а потом, когда мы поднялись с ней в квартиру и, отправив Леру гулять (девушка, которой было уже за двадцать, подчинилась этой команде с флегматичностью и без возражений), заперлись в ее роскошной, уставленной ореховой мебелью спальне, настал час нашего перевоплощения.

На кровать полетели платья, блузки, юбки, жилеты и брюки, из выдернутых с грохотом ящиков вываливалась разнообразная косметика. Люська была целиком поглощена задачей превратить себя и меня в VIP-барышень, скучающих ввиду отсутствия кавалеров, и для этой цели не скупилась на слова и уговоры:

– Ве-ерка! Мы будем как две звезды! Вот увидишь! А еще знаешь что? Лерка моя скоро в Италию летит, по обмену студентами. Вот мы с тобой загуляем – держите меня семеро!

Она усадила меня на низенький пуфик, и, поколдовав надо мной каких-нибудь полчаса, соорудила из моих довольно скромных волос роскошную прическу. Затем она меня красила, потом одевала и в конце концов поставила прямо перед большим, в полный человеческий рост, зеркалом, вделанным в дверцу платяного шкафа.

– Ну, что я тебе говорила? Кто бы мог подумать, что из нас получатся такие прекрасные светские дамы?!

– Ты хотела сказать – кто бы мог подумать, что такая дама получится из меня, – поправила я ее, внимательно разглядывая свое отражение.

Да! Если для Люськи светский лоск был так же привычен, как горячий душ вечером и кольдкрем – утром, то я в последний раз выходила «в люди» лет эдак… м-да, не будем вспоминать, сколько времени.

Тем необычнее мне было видеть в зеркале себя *такую* – как ни странно, совсем не старую, и более того – еще даже и молодую даму с замысловатой прической, неброско, но хорошо накрашенную, одетую в свободные струящиеся шелковые брюки песочного цвета и такую же широкую, журчащую блузку с вышивкой, свободно ниспадающую до самых колен. Да! Мне редкостно повезло, что у худышки Люськи в гардеробе оказался так ладно подошедший мне наряд.

– Я давно тебе говорила – выкинь ты в окно свои танкетки на плоской подошве, черные юбки и свитера мышиного цвета, это же позавчерашний день, – довольно бормотала Люська, в последний раз расправляя на моей спине какие-то складки. – Просто преступно хоронить остатки молодости под тем текстильным безобразием, что ты носишь сто лет подряд!

– Ну, не так уж давно мы с тобой снова встретились.

– Ай, все равно! Я знаю тебя сто лет! Ты просто никогда не умела одеваться по-настоящему!

– У меня просто никогда не было свободных денег на тряпки.

– Милая моя! Деньги в этом деле – далеко не главное!

Спорить на эту тему было бессмысленно, и я предпочла не отвечать. Бросила еще один, последний, взгляд в зеркало и отвернулась.

Люська, конечно, тоже блистала во всей красе. Если я выглядела безупречно, то она – сногсшибательно: на ней было какое-то совершенно дивное вечернее платье пунцового цвета с черным кружевным поясом, совершенно глухое спереди, но оставляющее открытыми спину

и плечи. Золотистые локоны струились по обеим сторонам зарумянившегося от удовольствия лица, шоколадные глаза возбужденно блестели:

– Ну что? Идем? – спросила она после того, как засунула в сумку нашего главного помощника фотоаппарат.

– Да.

* * *

Мы снова погрузились в Люськин «вольвешник», как она назвала свою машину, выехали из Митина, миновали шумную Ленинградку, выехали на Беговую, и оттуда – в центр города.

Стоял тот час в вечерней Москве, когда жизнь нашего огромного и, что уж там греха таить, довольно-таки бестолкового мегаполиса начинает затихать.

Теперь Москва была похожа уже не на широкий бурный поток с ямами и водоворотами, а скорее на бодрую горную речку, которая несет свои воды хоть и стремительно, но все же с каким-то подобием порядка. На улицах и фасадах домов горели разноцветные подсветки. Слышалась музыка. «Неделя закончилась! Отдыхать! Отдыхать!» – беззвучно взывали призывные огни ночных клубов и яркие вывески казино.

Люська была очень уверенным, даже хамоватым водителем. Подрезав две дешевые иномарки и обойдя две другие машины посолиднее, она проделала еще какой-то замысловатый вираж и лихо притормозила на стоянке сверкающего неоном вывесок и разноцветьем огней клуба «Наживка» – одного из лучших светских клубов Москвы. Отзвуки зажигательных мелодий доносились до нас даже сквозь тройную преграду прозрачных дверей, разделяющего нас расстояния и чуть приспущенного стекла автомобиля.

– Последняя пауза перед началом операции! – воскликнула она и, сняв руку с руля, достала из сумки фотографию Владика, которую нам оставила Мария Антоновна. – Давай еще раз вглядимся и запомним! Чтобы узнать его, поганца, даже в темноте и на ощупь!

С фотографии нам улыбался смуглый, черноволосый, диковато-красивый и еще очень молодой парень с нагловатым прищуром темных глаз. Он был снят на фоне заката – за его спиной полыхало небесное зарево, – и, возможно, совсем недавно. Ведь лето только-только кончилось, а на этом снимке Владик был одет в легкую, расстегнутую на могучей груди полосатую рубашку и парусиновые брюки.

– Хорош, паскуда, – с какой-то даже обидой признала Люська. – Конечно, такой какую угодно бабу погубить может, – добавила она, не обратив внимания на то, как неприятно резанули меня ее грубые, даже, я бы сказала, площадные определения.

Она зачем-то сунула мне фотографию, и я машинально положила ее во внутренний карман плаща.

– Выходим, Верка. Между прочим, он нас уже наверняка ждет. Мы договорились встретиться между колоннами…

Она еще что-то договаривала мне в спину, а я уже видела этого легендарного Владика – вон, его высокая статная фигура действительно мелькнула возле одной из мраморных колонн, которые поддерживали свод клуба с таким интригующим названием «Наживка». Он был безукоризненно, даже щегольски разодет – прекрасный кремовый костюм, такой же жилет, желтый шелковый галстук и светлые туфли.

Я почувствовала, как стукнуло у меня в груди. Что это было? Обычная женская робость – ведь я все-таки шла на свидание? Или предчувствие того кошмара, что свалился на всех нас всего несколько часов спустя?

* * *

Владик пришел на свидание не один. Эта совершенно непрогнозируемая неожиданность на какое-то время серьезно выбила меня из колеи.

– Добрый вечер, прекрасные дамы! – галантно склонил к моей руке голову тот, другой.

Это был высокий крупный мужчина с ранними залысинами у висков и холодными прозрачными глазами.

– Я зовусь Николаем и смиренно смею надеяться, что мое присутствие не будет для вас обременительно. Владик сказал, что его пригласили на свидание две прекрасные женщины, и я счел, что будет нелишним предложить свои услуги в качестве провожатого одной из вас… Прошу!

Выставив руку колесом, он вынудил меня опереться на него, хотя этот непонятный тип был мне совсем неприятен. И потом, он же нарушал весь наш план!

Я оглянулась на Люську – она, щурясь и рассыпаясь серебряным смехом, обменивалась ничего не значащими приветствиями с Владиком, который, вежливо мне поклонившись, в одну секунду переключил на подругу все свое обаяние. Со стороны казалось, что две давно и хорошо знакомые друг с другом семейные пары встретились и решили провести вместе приятный вечерок.

Если Люську и смутило появление на нашем горизонте какого-то Николая, то она ни одним движением брови не дала это заметить. В глубине души я была с ней согласна: сперва надо осмотреться, а действовать – по обстановке.

Мы миновали секьюрити, которым Владик небрежным жестом ленивого кутилы показал какую-то карточку с золотым обрезом, и зашли в сверкающий, грохочущий, полный соблазнов, страстей и шальных денег клуб «Наживка»…

Владик знал здесь всех и вся. А все и вся знали его. Стоило только посмотреть, как он проходит между столиками, здороваясь со всеми подряд, вскидывает руку в приветствии, когда его окликают со второго и третьего ярусов танцевального зала, что-то кричит нам (из-за музыки мы никак не могли услышать – что именно), указывая на извивающихся возле шестов танцовщиц, чтобы понять: этот молодой человек проводит здесь едва ли не все свободные вечера подряд.

* * *

…Час спустя все мы сидели за столиком, лучшим столиком этого дорогого ночного клуба, и вели беседу, которую только лишь с большой натяжкой можно было назвать светской.

– Дама без кавалера – это нераспустившийся бутон! – чуть блеющим голосом говорил Николай, наклоняясь низко-низко ко мне и обдавая меня несвежим дыханием. – Вы просто еще не знаете себе цену, девочки! За последний час вы обе расцвели необыкновенно, фантастически, волшебно!

– И в этом ваша заслуга? – не удержалась я от сарказма.

– Ну… Мужское внимание окрыляет! Я могу об этом судить, потому прошу мне верить.

– Ну да, ну да. Профессия обязывает.

– Что? Я не понимаю…

Мой кавалер захлопал глазами, и я отвернулась от него, плохо скрывая свою досаду. Все это начало мне надоедать, и я уже сто раз пожалела, что позволила втянуть себя в такую дурацкую авантюру.

А Люська – Люська слушала его вполуха или даже вообще не слышала. Она и ее жертва, Владик, очень быстро нашли общий язык, и я с удивлением наблюдала, как подруга, распустив

перышки и положив голову на плечо продажного красавца, воркует с ним, как со старым знакомым.

Вот уж никогда не чувствовала себя в новой компании, как рыба в воде! Все-таки мы с ней совсем разные, с Люськой…

Один раз, вежливо попридержав ее руку, Владик обернулся к нам:

– Друзья мои, может быть, мы потанцуем? Верочка, вы что-то загрустили. Николас, если ты сию минуту не вернешь улыбку на это прелестное лицо, я украду у тебя эту женщину и сбегу с нею в Южную Америку! – Он улыбнулся мне, обнажив жемчужный ряд белых зубов. – Верочка, может быть, вам просто не нравится кавалер? Хотите, я сам с вами потанцую?

«Фирма, однако, серьезная, с затратами не считается, – подумала я, вставая и направляясь с Николаем на площадку, где уже топталось несколько танцующих пар. – Любой каприз за ваши деньги…»

Когда мы вступили в круг танцующих, тяжелая рука Николая оказалась у меня на плече. Сквозь тонкую ткань блузки я чувствовала прикосновение влажной ладони и пыталась подавить в себе все нараставшее отвращение. В конце концов, это всего лишь работа! Наше первое дело, к которому мы так готовились! Ну и что, что оба кавалера кажутся мне просто паскудниками, не идти же теперь на попятную…

Николай принимает меня за отчаявшуюся от одиночества женщину и при этом слишком уж торопит события, но в конце концов, может быть, у него просто веселый характер? «А сама я – закомплексованная дура! – мелькнула сердитая мысль. – Нельзя же видеть в этом вечере только плохое! Вообще надо уметь расслабляться…»

– Надо уметь расслабляться! – словно уловив мои мысли, закричал Николай мне в самое ухо. Музыка грохотала так, что общаться каким-нибудь иным способом было просто невозможно.

– Настоящий мужик должен вкалывать через «Ах!» и расслабляться через «Нах!» – добавил он очевидную, на мой взгляд, глупость и заржал, оскалив зубы и высоко закидывая стриженую голову. Меня опять передернуло. – Ты что это такая строгая, а, Верунчик? Пойдем-пойдем, развеселимся, расслабимся, разомнемся перед приятными упражнениями…

– Какими упражнениями? – пробормотала я.

– Физическими! – Николай неожиданно крепко прижал меня к себе, так, что я не могла даже запротестовать. – Ну что ты, в самом деле, девочку из себя строишь? Можа, тебе допинг нужен? Так это мы в два счета организуем, пошли-пошли-пошли-пошли…

Он снова обхватил меня за плечи и, вихляя толстеньким задом в такт музыке, повел в самую гущу танцующих. «Я просто давно не была в таком месте, – пронеслось у меня в голове, хотя, справедливости ради, надо сказать – не то что «давно», а и вовсе никогда не бывала в заведениях подобного рода. – Сейчас мы еще что-нибудь выпьем… потанцуем… и я приду в настроение. В конце концов, чего мне стесняться? Не такая уж я старая, чтобы не получать простое удовольствие от приятно проведенного вечера!»

Из-за прожекторов, выбрасывающих на толпу снопы синего, красного и зеленого света, лица людей казались мне нездоровыми, больными. А мечущиеся тени заставляли думать, что я попала на какой-то сатанинский шабаш.

Воровато оглянувшись, Николай внезапно оборвал танец, взял меня за руку и вложил в мою ладонь несколько каких-то маленьких круглых штучек.

– На-ка! – Я хотела поднести руку к глазам и получше рассмотреть, что это за штучки, но мой спутник быстро сжал мои пальцы, заставив стиснуть кулак. – Ты что, дура?! Еще к прожектору выйди и там заглотай – мигом к ментам загремишь! Давай, быстро-быстро глотай, запивай мартини, и все беды – долой. Через десять минут ты у меня будешь звездой дискотеки. Часика два-три продергаемся, расслабимся, а там можно и на боковую…

Догадка обожгла меня, и я поспешно протянула Николаю сжатый кулак:

– Нет! Нет, ты это возьми, пожалуйста… Это «экстази», да? Я читала, что эту гадость часто принимают в клубах… Нет, я не буду… Я лучше так… Я сейчас приду в себя и повеселею, вот увидишь…

– Ну, как знаешь, – протянул Николай, незаметно принимая таблетки обратно. От меня не укрылось, как сильно он разочарован.

– Пойдем танцевать?

– Ты ж такая вареная, как пельмень, как с тобой танцевать-то? Ну, пойдем. Вообще-то, такой попкой, как у тебя, грех не покрутить. Ты меня прямо разогрела уже почти что!

Меня в очередной раз покоробило от этих слов, и я резко остановилась, желая дать кавалеру суровую отповедь. Но Николай не заметил этого, как не замечал и то, что его поведение с каждой минутой становится все более развязным и наглым. Схватив за руку, он снова увлек меня в круг танцующих.

* * *

Когда, натанцевавшись, мы вернулись к столику, Люська в Владиком нас уже ждали. Глаза подруги горели, в ее кулаке был зажат скомканный счет. Владик, склонившись над ней, шептал на ухо зардевшейся Люське черт знает какие соблазнительные вещи.

Увидев меня, она вскинулась и сказала громко – гораздо громче, чем следовало бы:

– Вера! Собирайся! Мы все идем к тебе домой!

– Нет, – сказала я. Стоило только представить этого вот Николая, по-хозяйски развалившегося на моем диване в большой комнате… нет!

Она удивилась:

– Как это – нет? Но мы же договорились!

Я хотела довольно резко ответить, что это ничего не значит, что я передумала, и все тут, но Владик опередил события, нежно заглянув мне в глаза:

– Верочка, вам, право же, не стоит беспокоиться. Мы всего лишь посидим все вчетвером в милой домашней обстановке и попьем чаю. У вас дома есть чай?

– Есть.

– Ну вот. Попьем чаю, придем в себя после шумного вечера, и потом… расстанемся, сказав друг другу «спасибо». Если, конечно, вам не захочется ничего иного. Даю вам слово, что сегодня ничего не будет происходить против вашей воли. Мое слово – против вашего желания! Идет?

– Хорошо, – пробормотала я, наткнувшись на жесткий взгляд Люськи.

– Прекрасно. Тогда прошу!

Он пропустил меня вперед, и мы вышли из клуба. Свежесть осенней ночи немного успокоила меня: все время, пока мы ехали к моему дому, я была даже оживлена и охотно участвовала в затеянном Владиком каком-то веселом и глупом разговоре.

У меня дома гости вели себя свободно, хотя и вежливо. Владик прошелся по комнатам и похвалил обстановку (что заставило меня скептически улыбнуться, ибо мебель в моей квартире, равно как и все остальное, была куплена еще при царе Горохе), а Николай, деловито выставив на кухонный стол купленные по дороги бутылки мартини и минералку, принялся методично откупоривать их.

Я собрала на стол – так, не особенно стараясь, нарезав и разложив по тарелкам все, что попалось под руку, – и вышла в ванную, якобы попудрить носик. Минуту спустя туда же, как я и ожидала, проскользнула Люська.

– Ну все! Наступает решительный момент! – жарко зашептала она мне в самое ухо. – Сейчас мы чуточку выпиваем для храбрости, потом выпроваживаем этого Николаса – нет, ну ты скажи, принес же его черт именно в такой момент! А потом я запираюсь в спальне с этим

Владиком и… И минут через пятнадцать, нет… давай через час, так надежнее… Итак, через час ты тихонько заходишь и делаешь несколько снимков! Не бойся, – прервала она возражения, готовые сорваться с моих губ, – не бойся, к этому времени он, я надеюсь, будет уже спать! Так что не думай, что я сватаю тебя в порнофотографы. Нашей драгоценной Ирочке должно хватить доказательств того, что ее разлюбезный Владик, пока эта бедная дурочка ночи напролет думает только о нем, спит в чужой постели! С другой женщиной! Так что фотки нам, Верка, вот так необходимы!

– Погоди, а если он не уснет?

– Успокойся, уснет! Сном младенца! Во-первых, я уж постараюсь, хм, его убаюкать… а во-вторых, я ему снотворного в бокал подлила!

– Что-о?!

– Немножко, немножко! – она успокаивающе погладила меня по плечу. – Не бойся, никакого криминала! Совсем невинное средство, его еще моя бабушка от бессонницы принимала! Наутро проснется здоровым и отдохнувшим!

– А как же ты?! – кое-что никак не хотело укладываться в моей голове. – Ты что, действительно готова вот так… лечь в постель? Буквально с первым встречным!

– Так для дела же! – Она невинно распахнула шоколадные глаза. – Для общего блага чего только не сделаешь! И потом, если честно… совсем-совсем честно… – Люська хихикнула в кулачок и смущенно опустила глазки. – Он мне немножко нравится. Понимаешь?

На это я не нашлась, что ответить. Ее ветреность, заставляющая Люську балансировать на тонкой грани между приличным и неприличным поведением… просто не укладывалась у меня в голове!

– Ну, пойдем, а то они, того гляди, что-нибудь заподозрят. Верка, все! Мы решились или нет? Какие у тебя опять сомнения?

Она решительно тряхнула головой и вышла из ванной, со стуком прикрыв за собой дверь. Я машинально посмотрела на себя в облупившееся на углах зеркало над полкой с умывальными принадлежностями: какая бледная! Нет, нужно как можно быстрее покончить со всеми этими переживаниями. И больше не поддаваться ни на какие Люськины авантюры. Мы еще не закончили наше первое дело, а от него уже так нехорошо попахивает!

На кухонном столе горели свечи, общий свет был выключен. Мужчины изо всех сил старались создать романтическую обстановку; Владик даже нашел на моем доживающем последние дни радиоприемнике какую-то волну, передающую нежную и томную музыку. В бокалах позвякивал лед.

– Разрешите? – Владик протянул мне через стол руку и, когда я машинально откликнулась на его приглашение, повел танцевать.

В моей маленькой кухне, о которой дочь всегда шутила, что нормальному человеку она «жмет в бедрах», никакие танцы были невозможны, и мы переместились в большую комнату.

Оглянувшись через плечо кавалера на Люську, я увидела, что она одобрительно кивает мне головой и одновременно согнутым пальчиком приглашает Николая наклониться к ней поближе. Дальнейшего я не видела – Владик увлек меня в комнату. Вежливо, но настойчиво приглашая отдаться танцу целиком. Вольно или невольно, но я подчинилась…

…А очнулись мы оба оттого, что хлопнула входная дверь. И как-то одновременно прекратилась и музыка. Вздрогнув от неожиданности, мы с Владиком остановились и уставились друг другу в глаза; а из коридора тем временем выглянула возбужденная Люська:

– Салют! Николас пошел домой и передавал всем привет.

– То есть как?

– А так! – Она посмотрела на Владика с вызовом. – Верке он не понравился, а раз так, какой смысл его терпеть? В конце концов, кто платит, тот и заказывает… мужчину, или я не права? Мы хорошо провели время, а теперь пора и к делу приступать. Вера сейчас отправится

проветрится, ну, погулять то есть… часика на два, а мы с тобой займемся делом. Тем самым, зачем сюда пришли. Мне, милый мой, не шестнадцать лет. Я нормальная здоровая баба, и желания у меня тоже вполне здоровые и вполне женские! Понял? Вижу, понял. Ну так как?

Такой быстрый переход от томной расслабленности к делу ошеломил не только меня, но и Владика – а уж ему-то, казалось бы, смущаться было нечего! Три или четыре секунды он осмысливал ситуацию. Затем засмеялся – и вмиг преобразился из галантного кавалера в циничного альфонса.

– Ну что ж! Люблю людей, которые называют вещи своими именами. А тем более готовы за это платить. Значит, говоришь, пора приступать к делу? Что ж! Веди меня, моя Мессалина.

Даже не оглянувшись на меня, он приблизился к Люське, которая продолжала смотреть на него с вызовом, и вдруг, резко наклонившись, рывком поднял ее с пола и забросил к себе на плечо! Подруга рассмеялась странным, каким-то колючим, игольчатым смехом и ухватила его сверху за ремень брюк. Не сказав мне ни единого слова, парочка скрылась за дверью соседней комнаты…

* * *

Конечно, «проветриваться» я никуда не пошла – да и кто бы решился отправляться на какую-то ненужную прогулку в два часа ночи, особенно когда за окнами стоит такая непролазная темень?

Я вернулась в кухню, минуту посидела на стуле, стараясь успокоить себя, что дело подошло к концу и вот-вот вся эта гадость и мерзость останется позади. На душе каким-то черным и плоским резиновым блином лежало нехорошее предчувствие.

Чтобы избавиться от него, я залпом выпила то, что еще оставалось в моем бокале, и постаралась навести на своей кухне хотя бы какое-то подобие порядка. К приглушенным шумам из спальни, все-таки доносившимся до моих ушей, я старалась не прислушиваться. Но кое-что там происходило, это было ясно.

В раздражении от того, что мне никак не избавиться от этих звуков, я включила маленький переносной телевизор, стоявший на холодильнике. Показывали какой-то шумный и жесткий американский фильм – со стрелялками, криками, горами трупов, красиво падающими и красиво измазанными в собственной крови. Ага, прекрасно! С таким фильмом какой-то час я еще смогу продержаться.

Устроилась я очень уютно: забралась с ногами в свое любимое кресло, втиснутое между окном и «пеналом» с посудой, укрылась пледом и попыталась сосредоточиться на сюжете.

Но что-то не получалось. Шел третий час ночи, и к векам лепилась предательская дремота, которую не могли отогнать даже треск выстрелов и крики, доносившиеся из телевизора. В глаза мне словно насыпали песок. Вздохнув, я опустила голову на руку, лежавшую на ручке кресла.

Всего час… Или даже уже меньше… Каких-нибудь минут сорок… В случае чего Люська сама меня позовет…

– Верка! Верка! – меня сильно и резко трясли за плечо. – Верка! – кто-то грубо хлопнул по моей щеке, заставляя проснуться. – Да очнись же ты, Верка!

Но даже пощечина, которую я получила чуть ли не в первый раз в жизни, не заставила меня вскочить с места. Прошло, наверное, не меньше трех или пяти минут, пока я пришла в себя.

– Ну наконец-то! – зло сказала Люська.

Она стояла передо мной, закутанная в одну простыню, которую придерживала на груди голой рукой. Утро не шло моей подруге: вчера еще золотые локоны сейчас были похожи на свалявшуюся паклю, а лицо ее приобрело какую-то болезненную бледность.

Ощущая какой-то незнакомый доселе туман в голове, я некоторое время не могла отвести взгляда от этого болезненно-бледного лица с полукружиями теней под глазами и бескровных губ с сеточкой морщин по обеим сторонам рта. Сейчас, без косметики и прически, с открытой шеей, Люська выглядела ровно на столько, сколько ей было на самом деле – сильно за тридцать. Правильнее было бы даже сказать – глубоко под сорок.

– Что случилось? – наконец спросила я. Во рту у меня при этом как будто ворохнулся ком ваты.

– Это я должна тебя спросить, что случилось! Ты что, так всю ночь в кресле и продрыхла? Вместо того чтобы делать дело! С ума сошла, да? Столько работы, столько сил – и вся ночь насмарку! Отвечай – сделала ты фотографии или нет? А? А, и так вижу, что нет!

Люська схватилась за голову, но в ту же секунду, ойкнув, подхватила и натянула повыше сползающую простыню. Затем шлепнулась рядом со мной на табурет:

– Ну? Ты что? Ты вообще в порядке?

– Кажется, – ответила я, спуская ноги на пол.

В голове шумело, все тело ужасно затекло. Я чувствовала себя такой разбитой, как, бывало, во время работы в Ботаничке, когда мне приходилось часами окучивать в теплице какую-нибудь заокеанскую пальму «Кафру Эквадор».

Только сейчас до меня дошло, что уже утро. Или даже день? В конце сентября светает около девяти, а за окном стоял не зыбкий рассвет, а ясный солнечный свет.

Боже мой, неужели я проспала несколько часов кряду?!

– Сколько сейчас времени?

– Почти двенадцать! А в час – встреча с клиенткой в нашем офисе! Где нужно будет дать ей отчет о проделанной работе! Что мы ей скажем, интересно? Господи, так глупо, так бездарно провалить первое же дело!

Она опять схватилась за голову, на этот раз запихнув конец простыни куда-то под мышку.

– Ничего не понимаю… Как это могло получиться?

– Ты у меня спрашиваешь?!

Да, глупо. Ну что ж, как бы то ни было, а приходилось принять к сведению неизбежное: вчера ночью я уснула и, вместо того чтобы сделать снимки, которые мы бы сегодня могли победно предъявить Марии Антоновне, проспала все на свете, а Люська…

– А ты? Ты тоже проспала?

– Ну еще бы! Я ведь целиком на тебя понадеялась! А то вскочила бы и побежала за фотоаппаратом – сразу же, как только он уснул! Я сначала ведь все ждала, пока он заснет. А потом и сама… Как-то так, знаешь, сразу отрубилась. Как убитая!

Люська вдруг хихикнула и закрыла лицо руками, а потом хитро посмотрела на меня сквозь раздвинутые пальцы:

– И как раз меня-то нельзя винить за то, что я уснула! Это было такое… такое… Ох, Верка, а ведь этот Владик и впрямь потрясающий любовник! Давно со мной такого не бывало! Знаешь, ради такой ночи… ради такой ночи стоило связаться со всем этим делом! Зря ты сама отказалась, Верка, ведь бабий век, как в народе говорят, он же недолог…

Я покраснела (сама не знаю почему) и, чтобы вернуть ее с небес на землю, задала первый же пришедший мне в голову вопрос:

– Но ведь ты ему заплатила? Интересно, сколько?

У Люськи вытянулось лицо.

– Нет… Я даже и забыла, что он из тех, кому надо платить… И ты знаешь, Верка, он никаких таких денег у меня и не спрашивал… Ушел, и все.

– Что? Он ушел?!

– Ну да! Я проснулась, а его нет. Думала, он в ванную комнату пошел или в туалет, подождала, потом пошла искать – нигде нет! Зашла на кухню, а там ты сидишь. И спишь! Нету,

нету, ушел. Совсем ушел, и денег не взял! Ох, Верка! Значит, я еще могу нравиться просто так! – воспрянула она духом. – Да еще так нравиться, что с меня и деньги стыдно взять! Ох, хоть что-то хорошее вышло из всей этой истории!

Я потерла глаза.

– Ладно, – добавила она через минуту, поднявшись с места и в очередной раз поплотнее завертываясь в простыню. – Давай уж собираться в контору. И причем поживее: клиентка уже через час придет, а нам еще ехать. Я первая в ванную, ладно?

И убежала, не дождавшись ответа.

Я вышла в комнату, чувствуя себя премерзко: после всего случившегося моя квартира казалась мне каким-то притоном. Пахло чужим парфюмом, чужим присутствием. Это было ужасно!

Заглянув в спальню, я увидела на кровати ком смятого постельного белья; к горлу подступила тошнота. Дав себе в сотый или даже уже в сто первый раз клятву, что больше я никогда не свяжусь ни с чем подобным, я подошла к окну, отдернула шторы и потянула на себя створку, физически ощущая необходимость свежего воздуха.

И тут, обернувшись от окна, я чуть не закричала от неожиданности! Солнце осветило всю комнату, и взгляд мой упал на стул, стоявший у стены напротив кровати. И на этом стуле были аккуратно развешены-разложены предметы мужского гардероба: кремовый пиджак, брюки, такой же жилет, рубашка, желтый шелковый галстук, ремень, трусы. Под стулом стояли добротные светлые туфли, в которые хозяин аккуратно вложил свернутые носки.

Это были вещи, принадлежащие альфонсу Владику!

Который, как уверяла Люська, бесследно исчез прямо из ее… то есть из моей постели незнамо когда!!

Хорошо, допустим, он ушел…

Но не мог же он уйти голым! Здесь что-то было не так, определенно, определенно что-то было не так!

Ничего не понимая, я кинулась обратно в гостиную, проверила кухню, туалет, дернула на себя ручку двери в ванную комнату. Там было не заперто; Люська беззаботно плескалась в душе и что-то напевала себе под нос.

Когда я ворвалась к ней за занавеску со своим сообщением, она вытаращила глаза и опустила руку со шлангом душа, так, что вода полилась на меня и на пол.

– Ка-ак ушел голый? Ты что?! Как голый? В каком смысле – голый?

– В смысле – без трусов! – отрезала я.

Подруга швырнула шланг в раковину и понеслась по коридору в спальню, шлепая по полу мокрыми пятками. Остановилась возле стула с одеждой и уставилась на него, словно какой-то удивительно непонятливый баран на какие-то потрясающе новые ворота:

– Офигеть! Вся одежда тут, ну совершенно вся! И ремень. И носки! Нет, ты только подумай, и носки тоже! – Носки ее почему-то особенно потрясли. – Что это значит, а?

– Ты меня спрашиваешь?

– А… а… Верка! Все твои вещи-ценности на месте, ты проверила?

– Нет!

– Давай, быстро!

Не так уж много в моем доме было вещей и ценностей, чтобы такая проверка заняла слишком много времени. Я еще раз прошлась по дому, заглянула в шкатулку на комоде, где лежали цепочка и обручальное кольцо, оставшиеся от той, прошлой жизни, заглянула в запрятанный между фотоальбомами конверт с невеликими моими сбережениями, подумав, открыла платяной шкаф и убедилась, что шуба и вся верхняя одежда тоже на месте.

– Нет, ничего не пропало, – доложила я Люське.

– Нет, ну я не понимаю! – Руки ее лихорадочно ощупывали чужую одежду. – Ой, Верка, смотри, тут и портмоне его… и в нем полно денег! Ладно, допустим на минуту, что Владик мог уйти без одежды – уж не знаю, шутки ради или еще зачем-то, – но уж деньги-то он бы нам точно не оставил! Тут и банковские карты, и кредитки! И паспорт! Нет, что-то не так!

– Дураку понятно, что не так! А как?

Люська посмотрела на меня, подумала и просто пожала плечами. Я сделала то же самое. А что нам еще оставалось?

– Ладно, – сказала я после паузы. – Что тут думать, когда все равно ничего не понятно. Будем надеяться, что твой король-любовник сегодня же объявится и все нам объяснит… а он именно так и должен поступить, если хоть немного дорожит своим кошельком… и своими трусами тоже. А пока нам не остается ничего другого, кроме как отправляться на работу. В конце концов, клиентка нас ждать не станет.

Переодевались мы в большой комнате, а красились в кухне – этот висевший на стуле костюм и туфли рядышком с ним отчего-то до дрожи пугали и меня, и Люську. Было просто страшно находиться там, словно в комнате незримо присутствовал покойник.

Знали бы мы тогда, насколько на самом деле окажемся правы!

* * *

Объяснения с клиенткой по поводу зря потраченных суток не состоялось: Мария Антоновна просто не пришла. Мы прождали ее до половины третьего, а встреча, как известно, была назначена на час дня.

Телефон ее тоже не отвечал.

Когда стало окончательно ясно, что ждать бесполезно, Люська устало откинулась в кресле и посмотрела на меня жалкими и больными глазами.

– Ну и денек сегодня, черт бы его побрал! Сначала от тебя уходит голый любовник, потом не приходит клиентка, ради которой ты, собственно говоря, с этим любовником переспала. Ну, какая баба это выдержит, скажи? Все, с меня хватит. Ты как хочешь, а я сегодня напьюсь!

– Это днем? В третьем-то часу?

– Ну, вечером. Сейчас, кстати, у нас еще одно дело. Должна прийти еще одна дама…

– Клиентка?

– Нет, не клиентка, но очень интересная штучка. Она нам вот так в работе пригодится, если, конечно, наша контора когда-нибудь сдвинется с мертвой точки, чего пока предсказать нельзя, если судить по сегодняшним успехам! Я хотела тебя познакомить…

При этих ее словах, словно дело происходило в театре или на экране телевизора, дверной колокольчик у входной двери звякнул, и эта дверь, открывшись, пропустила к нам необычайно рослую даму. Или девицу – смотря как взглянуть, на первый взгляд она была еще довольно молодой.

* * *

На ней были темные очки, ярко-красный короткий кожаный плащ, перехваченный на стройной талии поясом, и облегающие черные брюки, демонстрирующие удивительно длинные ноги. Стройность этих ног подчеркивали высокие замшевые сапоги, тоже сочного красного цвета. Еще когда она только вошла, я подумала, что эта одетая во все алое девица похожа на пожарную машину, или, если уж продолжать сравнение с машинами, скорее на дорогую иномарку вызывающе яркого цвета.

А когда Ада (так, вставая навстречу незнакомке, назвала ее Люська, она протянула ей руку прямо через стол и сказала: «Здравствуйте, Ада, очень рада вас видеть!»), кивнув и не

подав Люське руки, уселась на стул для клиентов и грациозным жестом сняла с головы косынку и на плечи и спину ее янтарным потоком хлынули длинные, густые, медного цвета волосы, мне пришло в голову, что посетительницу эту никак нельзя сравнить с таким бездушным предметом, как машина, пусть даже и очень дорогая.

Было в ней что-то даже чересчур живое и теплое, но не завлекательно-любезное, как, к примеру, в самой Люське, а сильное, подвижное и быстрое.

Каждый ее жест не оставлял сомнения: Ада уверена, что она делает что-то красивое и нужное. Она даже темные очки сняла так, что всем нам стало понятно: именно в эту, а не в какую-то иную минуту, ей следует снять очки, а нам всем нужно сидеть и наблюдать, как именно она это делает.

И еще – сняв эти очки, девица сложила руки на коленях и неторопливо повернула к нам голову. В той выжидающей позе, в какой она теперь застыла, чувствовалась и еще одна ее уверенность – а именно, в том, что сейчас ей кто-то должен сообщить нечто до крайности интересное.

Словом, в Аде присутствовала какая-то непонятная для меня пока сила. Про себя я назвала ее женщиной с отрицательным обаянием. Именно с отрицательным, потому что с первого взгляда она мне совсем не понравилась. Я не люблю людей, которые слишком выделяются в обществе, ничем еще пока не доказав, что они действительно лучше и умнее, чем все остальные.

Впрочем, я, кажется, сразу же сказала о ней слишком много – гораздо больше, чем она в тот момент заслуживала. Может быть, потому, что впоследствии эта женщина очень многое перевернула во мне и в моей судьбе?

Но не будем забегать вперед.

* * *

– Здравствуйте, Ада, очень рада вас видеть, – еще раз сказала Люська.

Она все еще стояла у своего стола, видимо, растерявшись, когда Ада так свободно уселась, не подав ей руки и всего лишь царственно кивнув вместо полноценного приветствия.

– Добрый день. – Голос у нее был очень глубокий и низкий, хорошо поставленный. – Извините, что не подаю руки – я не люблю лишних прикосновений к кому или к чему бы то ни было. Не сочтите за обиду и примите за простой женский каприз. У вас, я уверена, тоже бывает что-нибудь подобное.

– Н-ну… Да… наверное… – Люська, казалось, смешалась окончательно. – Хорошо, что вы пришли, Ада, и так приятно, что буквально минута в минуту, без опозданий. Некоторые, знаете ли, любят опаздывать или вовсе не приходить в назначенный час, уж не знаю почему, наверное, чтобы придать себе значимость… впрочем, это неважно… У нас с компаньонкой – познакомьтесь, пожалуйста, это моя компаньонка, коллега и подруга, Вера Андросова, – как раз выдалось несколько свободных минут. И так хорошо, что вы пришли, я как раз хотела обсудить…

При словах «несколько свободных минут» полные губы Ады дрогнули и «выпустили» еле заметную ехидную улыбку. Не было сомнений – одного быстрого взгляда на наши пустые от каких бы то ни было бумаг столы и выключенные компьютеры Аде вполне хватило для того, чтобы убедиться: работой мы пока еще, мягко говоря, не завалены.

От Люськи не укрылась эта улыбка. Она окончательно смешалась и, покраснев, словно девочка, уставилась на Аду во все глаза. И даже рот приоткрыла, что еще больше увеличило ее сходство с нашалившей первоклассницей.

– Так что же? – снисходительно подбодрила ее Ада.

– Я… – Люська прочистила горло и заговорила уже увереннее: – Я пригласила вас для того, чтобы, во-первых, познакомить с Верой, а во-вторых, выслушать ваши предложения о том, как мы можем построить работу, чтобы – я буду называть вещи своими словами, ладно? – чтобы клиентура к нам начала выстраиваться в очередь. Пока что у нас ситуация совсем не такая, даже совсем наоборот, если быть честной. Мне сказали, что у вас чуть ли не сверхъестественные способности, что вы можете проникнуть в самую суть человеческой души. Что у вас дар, талант предсказывать будущее и…

– Я не предсказываю будущее, это глупость, – бесцеремонно прервала Люську эта невенчанная королева. – Я лишь фиксирую факты и связываю их воедино. Факты, основанные в первую очередь на знании законов знаков Зодиака. Астрология – это наука, хотя некоторые глупцы и не хотят этого признавать. Как и во всякой науке, в астрологии нет и не может быть ничего случайного, никаких там «как карта ляжет». Вы еще цыганкой меня назовите!

– Нет, я… я не то хотела сказать, простите…

Люська лопотала какие-то извинения, а я смотрела на Аду, сдвинув брови и уже не скрывая своей враждебности. Стоило мне только услышать слова «астрология», «предсказания», «знаки Зодиака», как я мгновенно потеряла к посетительнице всякий интерес.

Эх, Люська, Люська – простая душа! До такой степени хочет во что бы то ни стало привлечь в нашу «Нить Ариадны» богатую клиентуру, что готова пойти для этого на откровенное жульничество! Ну разве можно всерьез относиться ко всей этой белиберде? С таким же успехом можно было пригласить участвовать в нашем деле всяких магов-целителей, предсказателей-освободителей, колдунов Вуду, использовать заряженную воду, приемы филиппинской медицины, позвать экстрасенсов и накупить тонны мумие!

– Если же вернуться к делу, в котором вы предлагаете мне участвовать, то мои услуги будут заключаться в… ну, скажем так, в добрых советах. Когда люди ищут себе пару, то им, как никогда, нужен добрый совет, не так ли?

– Когда люди ищут себе пару, то тем самым хотят спастись от одиночества, а не выслушивать чьи-то советы весьма сомнительного свойства, – вмешалась я. – Ваша астрология – не более чем «социальный наркотик» для слабовольных личностей. Потому что гораздо проще поверить в то, что тебя преследует какая-нибудь карма или нерасположение планет, чем признавать собственные ошибки… которых у каждого за душой немало. И, по-моему, использовать в своих целях людские слабости, одной из которых как раз и является слепая вера во все ваши зодиаки и гадания – простое шарлатанство! Извините, если я выразилась слишком резко…

– Ничего, – спокойно перебила меня Ада.

Когда я заговорила, она обернула ко мне узкое лицо, усеянное веснушками (это в сентябре-то?) и прищурилась. Взгляд у нее был странный; я еще не понимала, в чем дело, но уже чувствовала, что этих глаз мне уже никогда не забыть. И это меня раздражало гораздо больше, чем все остальное!

– Значит, вы считаете меня шарлатанкой? Аферисткой и обманщицей?

– Я считаю аферой и обманом то, чем вы занимаетесь. А сами вы можете искренне верить во всякие там зодиаки. Тогда это говорит, что вы просто наивны и сами поддались на обман.

– Я наивна? Я?!

Она засмеялась, тихо и как-то зловеще, на миг распахнув свои странные глаза. И в ту же секунду я поняла, почему они показались мне странными: все дело было в необычных кошачьих зрачках, зрачках-щелочках, которые сужались и расширялись в зависимости от того, куда и как смотрела хозяйка. Впервые я видела такие глаза!

И потом, этот смех. Никогда не видела, чтобы кошка смеялась, но если бы кошке был дан такой дар, то сомнений нет – ее смех звучал бы точно так же. Тихо и зловеще. Просто мороз по коже – не успела я так подумать, как по спине действительно забегали мурашки. Что за черт…

– А если не наивны, то, значит, расчетливы. И тогда это не так безобидно, как кажется. Ведь получается, что вы спекулируете на доверии людей!

– Верка! – крикнула Люська.

– Ничего, – снова сказала Ада.

В кошачьих глазах как-то сразу, словно кто-то включил две яркие лампочки, зажегся интерес. Она чуть наклонила голову к правому плечу, быстро оглядела меня, мой стол, подоконник за моей спиной и сказала – сказала Люське, но не спуская глаз именно с меня:

– Ваша подруга – женщина резкая и откровенная, но иного от нее не стоило бы ожидать. Ведь она – Дева, а Девы редко щадят окружающих и ужасно любят приклеивать ко всему ярлыки, особенно к новым людям и непонятным событиям. Они прирожденные критики, эти люди, рожденные под таким интересным знаком Зодиака. Но пройдет совсем немного времени, и многое изменится. О, вы и представить себе не можете, какие большие перемены вас ожидают в самое ближайшее время!

Люська широко распахнула глаза и смотрела на меня не мигая. Я тоже замерла на месте: странно, очень странно, откуда эта Ада знает, что я родилась именно под знаком Девы? Никогда я не придавала значения этому пустому обстоятельству, но все же… Нет, тут явно скрывается какой-нибудь фокус!

– Уверена, что вы сейчас ждете от меня вопроса вроде: «Да, я Дева, но как вы угадали?» – сказала я Аде, изо всех сил стараясь не показать своего потрясения. – С моей стороны было бы лицемерием не признать, что я действительно удивлена вашей проницательностью. Но не на лице же моем вы прочитали, что я – Дева, а не Стрелец или Козерог. Все дело в каком-то трюке, не так ли?

– О да, – охотно согласилась Ада. – Если только считать трюком умение логически мыслить. А это дано не каждому. Мне, по счастью, дано.

– И что же?

– Да всего-навсего то, что я заметила на вашем столе еще новую, только недавно распечатанную коробочку духов «Шанель № 5». Это идеальные духи для вашего знака Зодиака. Ведь вы, Девы – убежденные традиционалистки! Люди вашего типа верны единожды выбранному стилю жизни, обладают превосходным вкусом и природной, хотя порою и незаметной с первого взгляда элегантностью. Косвенно это подтверждает и то, как вы выглядите: на вас – строгий костюм с традиционной белой блузкой и минимум косметики и украшений – классический безупречный стиль, консервативный, заботящийся о деталях, но без особой фантазии, свойственный Девам. Потому «Диор», «Ланком» и «Шанель», то есть общепризнанные, классические, неподвластные времени запахи, – для вас.

Я невольно посмотрела на белую коробочку с фирменной черной полосой, в картонном гнезде которой действительно покоился флакон «Шанель № 5». Да, всего несколько дней назад, в разгар наших подготовительных работ к открытию конторы, у меня был день рождения, и Люська, вспомнив об этом еще раньше меня, подарила мне эти духи, сказав немало теплых слов и расцеловав в обе щеки. Я была очень тронута – мне так давно не дарили никаких подарков! И потом, было так приятно знать, что Люська помнила обо мне даже такую мелочь, как мои любимые духи!

– По одной только коробке с духами…

– О нет, не только поэтому, – любезно продолжила Ада. – То, что вы выбрали именно эти духи, дало мне еще не уверенность, а только лишь предположение в том, что вы – Дева. Но вот то, что парфюм был куплен недавно и только-только распечатан, я делаю вывод, что у кого-то несколько дней назад был повод для того, чтобы вам его подарить. Сами себе вы бы вряд ли его купили, ведь «Шанель» – очень дорогие духи, а вы не производите впечатления человека, который может позволить себе такие покупки «просто так». Итак, это подарок. На дворе сентябрь – в этом месяце нет никаких общенародных праздников, вроде Восьмого марта

или Нового года. Значит, остаются ваши личные даты. Если бы речь шла о рождении ребенка или годовщине семейной жизни, то подарок стоял бы у вас не на работе, а дома – ведь такие праздники всегда отмечаются только в семейном кругу. Следовательно, «Шанель» вам подарили на день рождения. Раз день рождения ваш был совсем недавно, значит, вы действительно родились под знаком Девы. А то, что вы предпочитаете пользоваться этими великолепными духами именно на работе, увы, говорит о том, что вы, во-первых, не замужем, а во-вторых, очень преданы своему делу. Это, кстати сказать, тоже отличительная особенность Дев: они обожают «гореть» на работе.

Высказав все это, Ада улыбнулась мне улыбкой Чеширского кота и поправила рукою волосы, раскованным и свободным жестом откинув пряди за спину. При этом на ее белой руке сверкнул и на секунду ослепил меня кровавым блеском странно большой перстень. Красный камень – по всему видно, что очень ценный и дорогой – был вставлен в тяжелую серебряную оправу и очень выделялся на белом тонком пальце. «Старинная драгоценность», – подумалось мне невольно.

– Здорово! – выдохнула Люська. – Ну, Верка, что ты теперь скажешь? Ведь ты же и в самом деле Дева!

– Как правильно заявила наша гостья, ее догадка основана на логике, а не на каком-нибудь гороскопе, – возразила я, как только пришла в себя. – Против логики я не возражаю!

– Я рада, что хотя бы в этом наши вкусы совпадают, – еще раз улыбнулась мне Ада. – Что же касается законов Зодиака, то и с ними вам предстоит столкнуться совсем скоро. Дело в том, что…

Что за чертовщина! Как только она произнесла эти слова, мне показалось – всего только на один миг, но все-таки, – что в кабинете как-то сразу и внезапно потемнело. Стены словно надвинулись на нас, а потолок, напротив, ушел куда-то ввысь, и от этого голос Ады зазвучал еще ниже и глубже, как это бывает в высоких каменных помещениях, когда слова отражаются от стен и возвращаются к вам еле слышным эхом.

– …дело в том, что сегодня – одиннадцатое сентября. Этого дня астрономы и астрологи ждали несколько лет, и не зря, потому что день поистине знаменательный! Через несколько часов, а именно, в девятнадцать сорок четыре по московскому летнему времени, в девятнадцатом градусе знака Зодиака Девы случится солнечное затмение. Тень Луны падет на землю, и города и люди, которых накроет эта тень, в течение нескольких минут будут не только наблюдать это уникальное природное явление, но и ощущать смутную тревогу и беспричинную смену настроений. В жизни тех, кто родился под знаками Девы и Близнецов, затмение проиграется очень ярко, оно ознаменуется необычными событиями, которые в дальнейшем могут перевернуть их жизнь. Для вас, Вера, солнечное затмение – это начало чего-то нового, зарождение искры, из которой возгорится пламя. Очень многое будет выведено на поверхность. В первую очередь большие и не всегда благостные перемены ожидают ваших любимых и близких. Может быть…

Но тут Ада оборвала саму себя и внимательно посмотрела на меня расширенными зрачками. Уж не знаю, что такое ей удалось увидеть, но продолжения не последовало. Не скрою, мне было интересно – а кому не интересно послушать увлекательные сказки? Но этого моего любопытства Ада почему-то решила не удовлетворять.

– Впрочем, к чему мне вам все это говорить, ведь вы все равно не поверите, пока не придет время, – сказала она, еще раз улыбнувшись. – Но обещайте мне, Вера, что, когда это время придет, вы позвоните мне и ничего от меня не скроете. Поверьте, сейчас я говорю это больше для вашего интереса, чем для своего. Ну? Обещаете?

Я пожала плечами, что отдаленно можно было принять за согласие. Очевидно, Ада именно так это и поняла, потому что кивнула и, казалось, почти сразу же потеряла ко мне интерес. Отвернувшись к Люське, она вполне будничным голосом предложила ей обсудить условия

сотрудничества с «Нитью Ариадны», и Люська, охотно соглашаясь со всем, что ей говорила Ада, часто-часто закивала головой.

Пока они достигали взаимных договоренностей и подписывали контракт, я, несколько раз глубоко вздохнув, огляделась вокруг себя.

Нет, все-таки это нервы. Стены и потолок были на своих местах, и кабинет наш освещался вполне дневным, ровным светом из окон. Правда, солнечное затмение сегодня вроде бы действительно ожидалось – по дороге на работу в Люськиной машине я слышала по радио подобную новость, – но диктор, сообщивший ее, сделал это таким вялым и безрадостным тоном, что просто трудно было поверить, что в этом вполне физическом, научно объяснимом явлении может крыться что-то необычное и таинственное персонально для меня.

Легенда о Деве

«Дева – древнейшее созвездие, известное в течение многих тысячелетий. Название звезды Девы Виндемиатрикс по-арабски означает «виноделательница, виноградница». Ее утренний восход бывает в пору сбора урожая и начала поры виноделия. А ярчайшая звезда созвездия Спика – это «колос», который держит в руках Дева.

На старинных изображениях созвездие Девы рисовали со снопом в руках. Дева – символ хорошего урожая и плодородия. А древние египтяне верили, что звезды Млечного Пути – зерна пшеницы, разбросанные на небе.

В сочинениях древних поэтов Дева часто называется Астреей. Она жила на земле в Золотом веке – это первая эра существования человечества, эра спокойствия и безмятежности, когда повсюду царили идеальный мир и счастье. В другой легенде Деву называют Деметрой, богиней плодородия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.